

Возможность истинной жизни: этико-политическая мысль Алена Бадью

Сказать, что Бог существует или что Он мог бы существовать, возможно, для философии сегодня является не таким смелым жестом, как сказать, что истинная жизнь возможна. А уж сказать, как это делает Ален Бадью, что Бог мертв, что Его нет, а истинная жизнь возможна, скандалисто вдвойне. Не безумно ли допустить, что жизнь может относиться к истине? Конечно, ей можно воспользоваться дурно или умело, извлечь из нее больше или меньше удовольствия, но как отнести к ее истине? Надо ли думать, что есть неистинная жизнь? Само различие статусов жизни не может не быть подозрительным — по крайней мере, в рамках секуляярного и критического дискурса едва ли можно позволить себе нечто подобное. В чьих глазах истинная жизнь способна отличать себя от неистинной? Что, в конце концов, останется неистинной жизни, какая участь ей уготована?

Чтобы всерьез заговорить об истинной жизни и не быть дисквалифицированным из философского поля,

нужно миновать ряд препятствий. Безусловно, непозволяльно было бы утверждать, что говорящему известна некая истина, знание которой делало бы саму жизнь истинной. По крайней мере, такое утверждение едва ли бы относилось к философии в большинстве ее современных разновидностей. Нельзя также было бы утверждать, что нам известно нечто, от приобщения к чему жизнь из пропащей превращалась бы в истинную. В общем, запрещена вся та речь, которая настаивает на знании о доступе к некой истине. Как мы увидим, Бадью не дает ничего подобного. Большая часть из того, что пишет Аллен Бадью, является попыткой систематически осмыслить возможность истин, которых не одна, а много. Среди истин, что совсем неслыханно, есть и политическая. Мысль, воспитанная на текстах Арендт и Шmitta, с порога отклоняет эту возможность: более того, условием политического философствования едва ли не является сегодня подтверждение мысли о том, что истина в политике нет места, — напротив, чтобы была политика, вопрос об истине должен быть смещен, на время оставлен.

В политике не может быть места тому, что нельзя было бы оспорить, поэтому всякое установление истины было бы лишь делом силы. Истина, таким образом, была бы лишь максимально возможной силой, которой невозможно что-либо противопоставить. Никакая истина не может заместить оспариваемость, которая является принципиальной чертой «демократического процесса». По Арендт, «ни истина религии откровения... ни

истина философов... больше не вмешиваются в ход мирских дел»*. Единственное легитимная форма истины в политике — это истина факта, которая, в свою очередь, имеет мало веса в «нормальной» ситуации. Философская же истина может обрести действенность в мире человеческих дел, только поменяв свой статус, — в образе поступка философа, руководствующегося этой истиной, она становится предметом созерцания, то есть примером верности и добродетельной жизни. Иначе, эта истина живет уже не собственной жизнью, поскольку в политике истины, кроме истин факта, жить не могут. Такая истина, которую обнаруживает одинокий ум, впоследствии выводящий из нее принципы для человеческого существования, для Арендт немыслима. Существо политики составляют равенство, дискуссия и свобода. Иначе, если у политики есть своя истина, если есть истинная политика, то ни в каких других видах истины она основываться не может. Так же у Шмитта: каждое «поле» управляет своим различием, и в верности этому различию, если угодно, и состоит истина того или иного поля. Можно утверждать, что в XX веке была большая группа мыслителей, весьма различных, которых объединяло стремление удержать специфическую истинность самой политики, изгнав из нее неподобающие политике истины. Бадью, несомненно, относится к этой группе, но даже

* Арендт Х. (2014). Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара. — С. 347.

от столь близких к нему мыслителей, как Рансьер, его отличает стремление наряду с истинностью политики предъявить *политическую истину*. Однако политическая истина Бадью, которая и связывается с истинной жизнью, отнюдь не такова, что, узнав ее, мы обретаем истинные принципы построения политического сообщества. Истина политики имеет для Бадью ту же форму, что истины любви, математики и поэзии: это истины, которые не знаются и познаются, но *производятся*. Философия ни в коем мере не сообщает здесь некие истины, касающиеся политического устройства людей, — согласно Бадью, философия вообще своих истин не производит.

Мы еще вернемся к трудному вопросу производства истины, чтобы сейчас лучше присмотреться к философскому жесту, который делает Бадью в тексте «Истинная жизнь». Бадью отнюдь не говорит, что форма истинной жизни уже предопределена философией, — дело философии не сообщать истины: «Философия... исходит из убеждения, что истины есть... То, что имеет отношение для человека как индивида, что одаривает его настоящей жизнью и ориентирует его существование, — это причастность к этим истинам... Философия предлагает провести отбор в области опыта, из которого она выводит определенную ориентацию»*. И чуть дальше: «Нужно показать, что истина действительно

* Бадью А. (2013). Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Бадью. М.: Институт общественных гуманитарных исследований. — С. 157.

существует^{*}. Иначе, философия имеет, кроме прочего, педагогическую задачу, которая состоит в том, чтобы предъявлять возможность истин и истинной жизни. Врагом истины является не столько ложь, сколько распространенное мнение о том, что истины нет, а истинная жизнь невозможна. Бадью говорит, что у молодежи сегодня есть множество внутренних врагов (а в тексте «Истинная жизнь» речь идет главным образом о молодежи), которые «грозят сбить ее с пути истинного к истинной жизни и не позволяют признать саму возможность ее существования». Но оспаривает возможность такой жизни также и отчаяние, звучащее в строках поэмы в прозе «Одного лета в аду», принадлежащей Артюру Рембо, с которым Бадью в «Истинной жизни» вступает в разговор: «Подлинная жизнь отсутствует». Рембо говорит: «*La vraie vie est absente*». Если различие между истинным и подлинным едва ли могло много значить для перевода самой поэмы, это различие очень значимо для Бадью. Русским словом «подлинный» было бы лучше переводить французское *authentique*, с которым Бадью отнюдь не связывает истинную жизнь. Напротив, « страсть к подлинному (*l'authentique* в оригинальном тексте. — А. С.) <...> может свершаться только как разрушение^{**}. Цитатой Рембо также начинается первый раздел книги Эммануэля Левинаса «Тотальность и бесконечное»: «“Подлинная жизнь отсутствует”. Однако мы

* Там же. — С. 158.

** Бадью А. (2016). Век. М.: Издательство «Логос», проект lettera.org. — С. 75.

существуем в мире. Метафизика возникает и держится на этом алиби. Она обращена к “другому месту”, на “другое” и к “другому”»*. Бадью в своем тексте не ведет полемики с Левинасом, как и с какими бы то ни было философами вообще, так как перед нами — в строгом смысле не философский текст. Однако в других текстах Левинас все же вспоминается, и отнюдь не лестно.

Маленькая книга Бадью «Истинная жизнь» написана как наставление молодежи. Что может быть более дисเครดитированным, чем наставления, да еще и молодежи?! А ставить себя на место Сократа, как это здесь же делает Бадью? Ничего не озадачивает больше, чем своего рода постоянная игра на повышение, которую ведет Бадью: да, я буду говорить об истинной жизни, да, я буду наставлять, да, я буду наставлять именно молодежь, да, я буду сравнивать себя с Сократом! Лишь бескомпромиссность тона, держащаяся на бескомпромиссности и последовательности стоящей за ним мысли, не позволяют прерваться, сославшись на немыслимое ныне отсутствие иронии, смягчения, самооговорок. Вернуть философской и политической речи их боевитость и непримиримость — одна из декларируемых Бадью задач. Итак, что же происходит в «Истинной жизни»?

Бадью, говоря о развращении молодежи, предлагает провести различие между наставлением и коррупцией, понятой как порча или соблазн: ставка последней — утвердить невозможность истинной жизни, коль скоро

* Левинас Э. (2000). Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга (Книга света). — С. 73.

повсюду есть только мнения, и направить молодежь на обретение власти и других благ, делающих жизнь насыщеннее и лучше. Благоустроенность жизни, жизнь, наполненная удовольствиями, противостоит жизни, допускающей возможность истины. Подобное различие между истиной и благами мы найдем и у Лакана в семинаре «Этика психоанализа», где блага противостоят желанию субъекта, который, как у Бадью, является «пропавшим звеном»*: «Измерение блага воздвигает на пути нашего желания нерушимую стену»**. Бадью не боится относить подобные тактики соблазнения и коррупции к нигилизму, врагом которого он открыто себя признает. Истинная жизнь у Бадью определяется отношением к любой из возможных истин, и в этом смысле она является жизнью в верности, однако верности не желанию, как у Лакана (у Бадью нет этой категории), а истине. Верность у Бадью — это набор процедур, позволяющих отделять множества, которые зависят от события. Так, любовная верность означает «меру, которую необходимо принять, чтобы вернуться к ситуации, чьим символом на протяжении долгого времени был брак, который живет за счет ежедневного соединения между регулярными множествами жизни и интервенцией, в которую единица встречи была введена»***. То, что принадлежит

* Лакан Ж. (2006). Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959–1960)). М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос». — С. 290.

** Там же. — С. 298.

*** Badiou A. (1988). L'Être et l'Événement. P.: Seuil. — P. 257.